

тировал гигантскую роль традиции и тесной преемственности в военно-научных знаниях раннесредневековой Византии медленным и застойным характером развития социально-экономических отношений в тот период. Именно этим объясняется консерватизм военно-теоретической мысли VI—X вв., которая только приближалась к идеалам Витрувия и Вегеция. Основное количество памятников византийской военной мысли VI—X вв. отражало медленную эволюцию военной системы и образует единую цепь, каждое из предыдущих звеньев которой питало последующее. С этих общих позиций В. В. Кучма выдвинул новые критерии достоверности военных трактатов VI—X вв. Принцип самостоятельности подобного источника в такой ситуации уже менее важен; главное же состоит в том, соответствуют или нет его положения требованиям времени²⁶.

Выработанная в ходе источниковедческого анализа методика исследования византийских военных трактатов позволила В. В. Кучме перейти к выявлению в них раннесредневековых напластований, что, по сути дела, относится уже к теме конкретного изучения военной истории Византии. Автор отметил, что активизация военно-теоретической мысли византийцев, начавшаяся в конце IX в., была вызвана кризисом основ фемного строя и выразилась прежде всего в обилии оборонительных установок. На основании главного источника — «Тактики Льва» — В. В. Кучма детально рассмотрел аспекты истории византийской армии IX—X вв.: методы морально-политического воздействия на войско, конкретные принципы лагерного устройства, структуру и численность армейских подразделений. Им впервые в советском византиноведении была поставлена задача исследования влияния войны на экономику²⁷, которую также попытался реализовать и В. А. Сметанин в своих статьях, посвященных обороне Византии от турок в XIII—XV вв. По его мнению, в 1282—1453 гг. Византия находилась в состоянии перманентной войны сразу на нескольких фронтах. Обострению и ухудшению внешнеполитического положения палеологовской Византии не в малой степени содействовал официальный ойкуменизм. Византийские историки, по В. А. Сметанину, недооценивали турецкую экспансию, которая носила специфический характер и ставила целью

уничтожение Византии как государства. Византия, как и Русь, должна была сыграть роль заслона для Европы. Перманентная война была губительна для византийской экономики, ибо военные издержки (налоги и повинности, связанные с военными нуждами, выплата дани и контрибуций, выкуп пленных, навязывание византийцам помощи на кабальных условиях, милитаризация ремесленного производства) обрекали ее на непрерывное истощение денежных, материальных и людских ресурсов²⁸.

В известной мере эта же проблема на примере истории V в. затрагивалась и А. С. Козловым, который, определяя место готов в социальной структуре ранней Византии, убедительно показал отрицательные последствия остготских образований в империи. На большом фактическом материале автор показал, что готское общество стремилось существовать лишь за счет прибавочного продукта империи и противилось всякому производительному труду. Тем не менее кристаллизации готов в военное сословие ранней Византии не произошло, а сама готская проблема была решена путем удаления их на Запад²⁹. Эта статья во многом явилась прелюдией к целой серии работ А. С. Козлова, посвященных сложной и специфической теме — социальной борьбе внутри господствующего класса ранней Византии и политической оппозиции различных его слоев правительству империи в конце IV—V в.

А. С. Козлов, поэтапно прослеживая смену политической ориентации правительства Византии от Феодосия I до Зинона, показал причины и конкретную историю выдвигания на авансцену социальной борьбы различных слоев господствующего класса империи. Крайне важным представляется анализ роли места выступления народных масс в этой борьбе. В целом сущность динамики социальной борьбы в конце IV—V в., по мнению автора, состояла в следующем. 379—395 гг. Феодосий с самого начала своего правления пользовался сильной поддержкой определенных слоев господствующего класса; оппозиция в этот период была слаба и в основном представлена имущими слоями полисов и отчасти крупными земельными собственниками 395—399 гг. В результате острой социально-политической борьбы и смены правительства Руфина, Евтропия и Аврелиана у кормыла власти за это время побывали такие

²⁶ Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 31—56.

²⁷ Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 99—116; *Он же*. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 102—113; *Он же*. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX—X вв.: (Структура и численность армейских подразделений). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 79—85.

²⁸ Сметанин В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 89—101; *Он же*. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 99—109; *Он же*. Расходы Византии на армию и флот (1282—1453 гг.). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 117—125.

²⁹ Козлов А. С. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 114—121.